

Павел Чумаков-Гончаренко

Рефлексия

Сборник рассказов

16+

Павел Чумаков-Гончаренко

Рефлексия

<https://litres.ru/55331492>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это сборник философских рассказов о жизни и судьбе. В него вошли рассказы "Рефлексия: Павел и Савел", "Сволочь", "Судьба" и повесть "На Дону...".

Содержание

Рефлексия: Павел и Савел	4
Сволочь	19
Судьба	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Рефлексия

Рефлексия: Павел и Савел

Но Савл, он же и Павел, исполнившись Духа Святого и устремив на него взор... (Деян.13:9).

Говорят еще, господа, что птица сама летит на охотника. Правда, и готов согласиться: но кто здесь охотник, кто птица? Это еще вопрос, господа! «Двойник» Ф. М. Достоевский.

Из дневника одного сумасшедшего, найденного мной в кипе старых, брошенных бумаг.

Я смотрел на него, а он – на меня. Что я там видел? Еще достаточно молодое лицо, явно выглядит он, моложе своих двадцати пяти. Одна женщина, как-то сказала мне, что мужчина должен выглядеть старше своих лет. А ты не всегда и сигареты можешь купить себе, потому что продавщицы сомневаются, что тебе исполнилось восемнадцать. Что же сопляк – тебе не повезло! Впрочем, ты, наверно привык, ведь тебе часто не везет. Хотя кто знает, может то, что мы считаем невезением, на самом деле порой, является крупной удачей. Помнишь, под Тверью, мы попали на перекрестке в аварию: брат толкнул бампером впереди стоящую машину; тогда вызвали полицию и час или два составляли протокол; брат заполнял какие-то бумаги. «Не повезло!» – скажет обыватель,

и может, будет по-своему прав. А может?.. Представь, если бы этого не случилось, и мы проехали чуть дальше; и в это время на перекрестке, нас снесла бы в кювет огромная фура. Что тогда? Тоже не повезло? Получается, что тогда эта авария, была нашим везением? Может это небольшое происшествие спасло нас от катастрофы?! И теперь мы до конца своих дней должны благодарить Бога и Ангела хранителя за это «несчастье»! Выходит, что в жизни очень часто, все не так просто, как нам кажется. Наша видимая жизнь, и мы сами в ней, это всего лишь вершина айсберга в океане судьбы. И сколько было в нашей жизни таких моментов, когда то, что мы считали неприятностью, горем или трагедией, на самом деле было для нас благом или спасением? Это одному Богу известно!

Так что у тебя там с внешностью? Грустные глаза, с насмешкой: ты конечно не Печорин или Онегин, но ехидства тебе тоже не занимать, как говорится – с избытком. Высокий лоб, прямой нос и мясистый подбородок – вот все что нужно для несчастной жизни. Шучу! Не беспокойся. Твой портрет мне напоминает, какого-то римского императора, который славился ни победами, а развратом и злодеяниями, – ну там, ассоциативный ряд: Колизей, гладиаторы, христиане, львы, убитые – родственники, друзья; в общем кровь, бесовестность и беспринципность. Этакий калигульский Нерон Клавдий Август Тиберий, только не Германик, а Русак. Да-да, получилась белиберда, но примерно так и звучали, пол-

ные титулы-имена римских императоров. Хотя какой ты если вдуматься Германик-Русак, ты за всю свою жизнь, если и одержал какую-нибудь победу, то только в своих обломовских грезах. Что там у нас еще? Высокий лоб: говорят, что он является признаком большого ума. Ну-у, глядя на тебя с трудом верится. Я бы даже сказал больше: судя по тебе, просто – врут. Где в этой пустой голове притаился рассудок? – это можно смело считать вопросом века. А этот век, исходя из всей предыдущей истории человечества – предстоит веселый, причем «веселый» в жирных кавычках. У нас, у человечества, как в той поговорке – чем дальше в лес, тем больше волки. Если двадцатый век начинался с всеобъемлющей веры в научный прогресс и в торжество человеческого разума; в свободный и гуманный ум; почти что в сверхчеловека; и начинался под знаменами гуманизма, свободы, равенства и братства, то закончился он полным разочарованием и уже верой в сытое брюхо и в счастье – в скотской вседозволенности. Оказалось, что этот вот гений человеческого рассудка, в конце концов, умыл все человечество кровью, с фанатичностью, которой могла бы позавидовать средневековая инквизиция, – возложив миллионы жертв на алтарь своего нового-старого божка – мамоне. Новые идеологические кумиры, в лучших традициях каннибализма, пожирали целые народы, классы, сословия и все ради гедонистических идей о настоящем и светлом будущем. Невольно вспоминается: «по плодам их узнаете их...»*

В общем, что касается гедонизма, то получилось как в сказке Пушкина, только царь не Гвидон, а Гедон: это он над миром правит и мамоною трясет! Тьфу ты, опять на поэзию потянуло...

Что касается твоей физиономии, то ко всему выше сказанному, можно добавить, и мясистый подбородок, и припухшие губы: говорят это символы чувственности, безволия и изнеженности – слабого характера. Опять тебе не повезло! Впрочем, как потребитель и адепт нового мирового порядка, ты вполне вписываешься в эпоху постмодерна и конца истории. Только вот, что я думаю: это конец ни мировой, а вашей истории; это конец для таких как ты и для вашей цивилизации. Вы же вымираете! Как говаривал Столыпин: превращаетесь в навоз и в пищу, для других, здоровых народов. Они конечно переймут часть ваших достижений, в построении новой, уже совсем иной, своей цивилизации. Ничто не ново под луною. Поэтому все эти ваши периодические разговоры, о конце истории – это смех, да и только.

Впрочем, оставлю твою внешность на суд народа – он же всегда справедлив и беспристрастен! Вот пусть он тебя и судит. К тому же, как показывает практика жизни, внешняя привлекательность и вообще внешний вид, это дело помимо того, что сугубо индивидуальное, так еще и ко всему прочему, очень уж относительное; можно добавить – и обманчивое. Если начну описывать тебя или себя, то, к сожалению никуда не денусь, от субъективности и предвзятости. Тем бо-

лее что мы, с тобой, вроде как люди близкие и даже чуть ли ни родня. Опишу нас с тобой в неприглядных красках, еще скажут, что напрашивается на комплименты; а если опишу положительно, то упрекнут в нескромности и самовлюбленности.

А что ты, кстати, зубы скалить начал – где-то в точку попал? Ну да ладно, я тебя с детства знаю, ты всегда был дураком. А помнишь, как у матери спрашивали про тебя: мол, что у вас сын пришибленный, что ли? А она так неловко, устало, пожимала плечами и говорила – соглашаясь: «Да, наверно... У него и книжка любимая «Идиот»!» – и всем, все, сразу становилась ясно; и они улыбаясь, сочувственно и понимающе, подбадривали ее: «Что поделаешь? Крепитесь! Бывает и хуже!» Хотя знаешь, я думаю, что они только так, на словах, а внутри про себя решали, что хуже уж и некуда; а если и бывает хуже, то это, ну о-о-очень большая редкость, которую еще и потрудиться и поискать нужно.

Лыбся, лыбся дальше! Что с тебя взять, дурак он и есть дурак!

Знаешь, говорят, что истинная красота, скрыта от глаз, – она в душе человека. Интересно, а что у тебя там внутри? Многие считают, что человек, это микрокосмос. Я вот на тебя смотрю и думаю: откуда в этом лупатом куске мяса – микрокосмос? Не пойму! Если только маленький, ржавый – кусок метеорита. Хотя конечно, если пофилософствовать, то микрокосмос можно найти и в любой соринке, в любой ча-

стичке, и тогда в действительности, его можно представить и в обличье такого лупатого куска мяса, как ты. Но это все в теории и в философии, а по факту ты нолик, и больше ничего.

Сегодня кстати Нолик, ты какой-то скромный – тихий и молчаливый и полслова не вымолвил. А ведь скоро на работу и мне некогда будет с тобой лясы точить. Или еще не вечер и ты только готовишься к своему выступлению? Артист потешного театра, ёлы-палы! Ну да ладно, молчи раз молчитсся, чего уж там.

В общем, смотрю я на тебя, на этого неудалого и нескладного, и на меня словно цунами накатывают волны неудовлетворенности, а порой, даже отвращения и раздражительности: какой-то ты, прямо никудышный, поверь, я то тебя знаю, – ну или думаю, что знаю. То, что ты одинок, это наверно; глянь-ка, как затравленно и с какой-то нездешней надеждой, ты постоянно на меня смотришь. Словно говоришь: помоги мне! ты же можешь! все зависит от тебя!

А я и об палец не бью – и не ударю! И нечего на меня так умоляюще пялиться. Ты для меня никто и звать тебя никак!

А еще я вижу, по твоим глазам, что ты считаешь себя умным. И иногда, когда у тебя появляются в этом сомнения, что ты не уникам, а самый обычный и заурядный человек, то тебя охватывает дикая тоска. Ты впадаешь в депрессию и жизнь начинает тебя томить, «как ровный путь без цели, как пир на празднике чужом». И ты встревоженный, начи-

наешь судорожно рыться в своей черепной коробочке, отыскивая там какую-нибудь оригинальность. Потом вспомнив, что-нибудь вычитанное и услышанное, от какого-нибудь выдающегося, по-твоему мнению, человека, мысль, ты начинаешь успокаиваться, найдя ее среди своих умозаключений или записей. И ты думаешь: «Ну вот, а я волновался, ведь я тоже ума палата, выдающийся! Ну и что, что меня никто не знает, смысл то, в другом: просто я выдающийся де-факто, а они еще и де-юре. Просто им больше повезло – так выпал жребий. Да если подумать, то ведь еще и неизвестно, кто де-факто из нас умней?!»

И вот ты знаешь, чего я никак не пойму и не могу никак взять в голову: откуда у тебя эта постоянная, высокомерная рефлексия; это стремление, постоянно выделиться и быть не таким как все? Ты же пролетарий, а не интеллигент? На худой конец люмпен – хрен редьки не слаще! А все дай, выше своей головы прыгнуть и на ее же сесть – лишь бы все удивились и ахнули: «ты погляди, как он умеет!..»

Я всегда знал, что самомнения и самовлюбленности, тебе не занимать. Было бы еще неплохо, чтобы также было и с самокритичностью. Хотя если приглядеться, то в глазах можно заметить и беспросветную тоску. Интересно и с чего это у такого эгоиста тоска? Ну, сознавайся?! А вижу-вижу, говоришь, что в тебе пылает огонь таланта. А я думаю, это не талант, а гордыня горит адским пламенем. «Я, – говорит, – не имею морального права, жить в Зазеркалье, я вам там ну-

жен. Мне, – говорит, – открываются порой, тайны мироздания и сокрытые устремления человеческих душ и сердец. Если будете меня слушать и делать, как я говорю, то приблизите Царство Небесное!».

Вот загнул, так загнул! Скромности тебе бы Савел! Глядишь и ума бы прибавилось.

А он в ответ: «Я и так скромн. И говорю, потому что желаю всем вам добра. Особенно тебе смерд! Ведь, как ты, верно заметил – мы пусть и не духовная, но все же родня. И лучше всех, я себя не считаю, так первый среди равных, в авангарде прогресса человеческого духа! Я стремлюсь, как сказал поэт: чувства добрые в вас пробуждать. Да и сами посмотрите, к чему я вас призываю?! Ну не к глупостям же? Я говорю вам о любви, добре, красоте; призываю вас к милосердию, к состраданию, к самопожертвованию; призываю вас к гармоничному действию, созиданию и к воссоединению с Творцом! А вы что делаете? – пьете, едите, все суетитесь о материальном благополучии, причем частенько о благополучии за счет ближнего. Да и сам ты Павел, ничуть не отстаешь от своих собратьев и по уму и по духу! Вот ты называешь меня отражением, а мне кажется, это твой мир отражение и иллюзия. Вы не хотите жить, вы предпочитаете вместо этого – существовать. И рано или поздно, вы исчезнете, а мы останемся и наследуем землю. Да ты-то по существу и не Павел, ты Савел! Ты мое, а не я твое отражение и до преобразования вам, ой, как далеко! Поверь мне: лучше быть самовлюблен-

ным художником и воспевать красоту – добро и любовь, чем быть посредственностью, и жить, и думать, только о своем сытом пузе! Впрочем, ты вряд ли меня, хоть чуть-чуть поймешь, ибо ты даже не отражение, а тень – тень прошлого. И я уже сейчас, провижу время, когда ты и такие, как ты – исчезнете, ибо грядет Эпоха Света! А в ней не будет места теням, они уйдут и рассеются, как миражи; как страшный сон человечества; как его кошмар!»

Я невольно заулыбался, слушая этого самодовольного чудака, так легко впадавшего в некую экзальтацию. Видно действительно правы те, люди, которые говорят, что он просто болен. Но ему верно и в голову не приходит такая мысль, и он, не догадываясь о своем недуге, самозабвенно продолжает проповедовать свои бредни: «Ты надо мной еще смеешь смеяться?! Но в эту великую эпоху, о которой я говорю, вы потеряете эту вашу высокомерную насмешливость и этот ваш гордый дух сомнения. Все исчезнет! И единственным воспоминанием о вас, будут уколы совести, у ваших потомков, за вашу низость, глупость, жестокость и эгоизм. Ваш кумир Золотой телец, в те далекие времена, просто расплавится от жжения совести, у ваших потомков, из-за вас. И они, ваши потомки, будут испытывать дикий стыд, за вас, их предков, быть может, немного прощая и извиняя вас, ссылаясь на ваше мракобесие и примитивность. Вам не стыдно быть, такими мерзкими животными?!»

Ну вот, опять Савел тебя понесло! В умении забивать

окружающим голову всякой ерундой, и прежде всего мне, ты однозначно преуспел и мало кто, способен, сравниться с тобой, в этом деле. Но если вдуматься в твои слова, то это поверь мне – полная околесица. Здоровый, довольный собой и своей жизнью человек, никогда не будет забивать себе голову этой чепухой. Твоя проблема – это неустроенность твоей жизни. Ты чувствуешь свое уродство и не в силах его изменить или смириться, начинаешь искать причину, которая находится в тебе – вовне, в других. Впрочем, доля правды в твоих словах есть: ты действительно похож на тех пустомель, к которым ты сам себя и причисляешь. Насколько ты на них похож, это другой вопрос. Ну, вот что, я знаю точно: вы уже не одну тысячу лет, хороните наш мир; кричите о том, что наш мир теней скоро исчезнет и наступит царство света, добра и красоты, но ни того, ни другого, не случается и не наступает. Так что сдается мне, все это ваши бредни. Человечество, каким было тысячу лет назад, таким и остается, и по сей день.

Да мы действительно порой, впадаем в крайности, мы живем в состоянии некоего маятника и постоянно качаемся, то в одну, то в другую сторону: от любви к ненависти, от веры к неверию, от глупости к гениальности, от прогресса к регрессу – к темным векам. И так было всегда, по крайней мере, с тех пор, как человек осознал себя человеком и стал задавать себе – эти «проклятые вопросы». И что самое интересное, очень часто, а скорее всегда, именно вы вопрошатели и за-

даватели, и толкаете человечество в эти крайности – сами не живете и другим не даете!

А сколько миллионов вы сбили с пути, и сколько крови пролилось, из-за вашего самовлюбленного высокомерия?! Потому что каждый из вас, несчастных, не в состоянии устроить собственную жизнь и быть счастливым, но пытается сделать счастливыми окружающих, а-то и весь мир. Свою жизнь не можете изменить – дай другую поменяем. И начинаются революции, крестовые или ныне демократические походы, проводят чудовищные социальные эксперименты или объявляют часть людей неполноценными и недочеловеками, да и вообще главными виновниками собственной неудавшейся жизни. И так из года в год, из века в век и из тысячелетия в тысячелетие.

Я замолчал, а Савел слушая меня все это время молчал, и ухмыляясь, с нетерпением ожидал, когда я закончу свой монолог и как только я умолк, неторопливо заговорил: «Значит, мы во всем виноваты? Во всех ваших злоключениях? Наверно это мы, привили вам культ насилия? Это мы заставляем вас ненавидеть, насиловать, грабить, убивать, воровать, изменять и предавать? Да всего и не перечислишь! Это мы наверно заставляем вас вести себя, как бессловесные и тупые твари? Это мы мешаем вам каждый день на работе, дома, в семье? Может это мы заставляем вас ежедневно навязывать окружающим, вашу куцую логику: я мужик, муж, отец, старший, правый и т.д. и т.п. и поэтому я прав, а вы все заткни-

тесь и слушайте меня?! Ты что Павлуша чаще всего ругаешься и конфликтуешь с окружающими из-за великих идей и устремлений? Да нет гаденыш, чаще всего вы творите, свои зверства, не во времена великих социальных потрясений и катаклизмов, а в повседневной и обыденной жизни. А первые и главные ваши жертвы – это ваши родные и близкие! И если бы мы не предлагали вам модели построения более или менее справедливой жизни, то вы вообще бы давно погибли в хаосе своих желаний и устремлений, в хаосе собственной вседозволенности – вы бы просто сожрали друг друга. Что великие мужи, мужи света, объясняя и поясняя вам, что есть добро, а что зло или указывая вам на те грани, за которые не стоит заходить, чтобы не уничтожить друг друга, они что когда-то призывали вас, вырезать и уничтожать друг друга?! Нет! Это вы, имея семя тли, злобы и сомнения, постоянно переиначиваете их слова на свой лад. Вы не можете оторваться от поклонения своему жирному и упитанному заду! Это он, ваш зад, и есть ваш главный кумир! В жертву которому, вы приносите все: и жизнь, и любовь, и близких, и окружающих!

Если бы не те, кто призывает вас к свету, то вы вообще бы давно заблудились в дебрях, собственной бестолковой жизни, в дебрях которые, кстати, вы сами и выращиваете, и в которых вы потом так легко превращаетесь в животных! Собственно животное внешне и отличается от человека, тем что у него нет, этих самых «проклятых вопросов»,

оно движимое инстинктом, просто жрет и совокупляется – идеал сверхчеловека – господство инстинкта – канат натянутый над пропастью: от человека ищущего и недовольного, к человеку самодостаточному и оттого убогому; это канат от человека к животному. Перестань задавать эти вопросы, и все, цикл окончен, цепь замкнулось, – останется только согнуться и вернуться на деревья!»

Это кстати твой собрат придумал, – напомнил я ему.**

«В семье не без урода. Тем более что, в своем низком самоутверждении, он близок именно вашему племени. Он просто смог сформулировать и переложить ваши подсознательные бредни, в понятную, литературную форму. Мое же в нем только то, что он тоже не мог смириться с собственной несуразностью и абсурдом мира. В нем не было равнодушия и тлетворной теплоты, он был холоден, но не горяч и в этом его трагедия. А в остальном это ваш брат и по уму и по сердцу – несчастный человек!»

Так вас не поймешь, вас десятки, сотни, тысячи и все кричат о своей истине. Почему нужно верить Павлу, а не Савлу, или наоборот? – вот в чем вопрос! Ты в себе и в своей жизни разберись вначале, а потом будешь других учить.

Кстати уже время, и мне пора ехать на работу. А то ведь я слышал, что не только Павлы, но и Савлы кушать хотят! Так что извини, нужно деньги зарабатывать, т.е. то, что можно потрогать. А истина?! Что есть истина? Кто знает?

И я отошел от зеркала. А Савел грозя мне кулаком вдо-

гонку, продолжал запальчиво выкрикивать:

«Иди, иди! Но время придет!.. Потом до локтей не достанешь!...», – доносился до меня его истеричный и истошный крик. – Вы рассеетесь!..»

Далее я уже не расслышал. Представляете, до чего можно договориться, когда беседуешь с собственным отражением?! И этот наглец, еще смеет мне угрожать, – «вы рассеетесь», – каков, все-таки наглец?! Впрочем, чего еще можно ожидать умного и хорошего, от своего второго «Я», которое любит пофилософствовать и объявляет свой бред, чуть ли ни истинной в последней инстанции?! Хорошо наверно тем, кого свое собственное отражение не пытается постоянно учить и не втягивает в обсуждение фундаментальных вопросов человеческого бытия. А если чье-либо «альтер эго» и подает какие-то звуки, то ограничивается парой нечленораздельных, общих фраз. А мой дурак, проходу мне не дает, особенно когда мы остаемся с ним наедине. Я уж его и хоронить пытался, – прятал и занавешивал все зеркала, так он гад и из-под покрывала орет – все проповедует! Я с ним так и с ума сойду. Иной раз и вправду мелькнет подлая мыслишка: а вдруг это ни он, а я его иллюзия?!

С этой мыслью, я собрался выходить из квартиры и по привычке взглянул в зеркало, все ли в порядке с прической, скорее для порядку, чем по необходимости.

Савел смотрел на меня из своего Зазеркалья и нагло ухмылялся своей противной улыбочкой. Он подмигнул мне

своим левым, а моим правым глазом и ехидно прошипел:

«Что уже начинаешь догадываться...? Ну, так, до встречи!

Увидимся...»

Тьфу! Сплюнул я в сердцах и вышел из квартиры, отправившись, уже в свое – Зазеркалье...

P.S.

Истина понятно где, Он Сам нам уже ее и открыл: «Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14:6). А вот где, правда, в нашей жизни? Думается мне, что правда, как правило, где-то посередине.

Примечания:

*– цитата из (Мф.7:16)

**– речь о Фридрихе Ницше и его книге «Так говорит Заратустра»

Сволочь

В одном селе, жила-была, обыкновенная Сволочь. Жила она не тужила, нормальным людям служила – и жить им мешала. Сволочью же, по мнению односельчан, она была законченной и изрядной. У этого мерзкого существа, все было никак у нормальных людей: она никому не завидовала, не убивала, не воровала, ни с кем не ругалась и не сплетничала. Оттого односельчане ее презирали и считали умалишенной. Сволочь ко всему прочему, делала и совсем уж по их мнению, мерзости: она постоянно постилась и молилась; некоторые говорят, даже видели и вообще несусветные вещи: будто бы она благословляла тех, кто ее колотит и проклинает. В общем изрядной сволочью, она была – слова плохого ни про кого не сказала.

Ранее на селе был молокозавод. Но потом его закрыли, а добрые, честные люди, все до кирпичика растащили, по своим домам: металл сдали, а остальное в свои подсобные хозяйства пристроили, где и бычий хвост, как известно – веревка. Работы на селе не было, и селяне кто мог, ездили на заработки в город. Сволочи не на чем было, туда добираться и поэтому она батрачила на сельчан круглые сутки, с утра и до поздней ночи. За что добрые односельчане, ее подкармливали и колотили – кто чем мог.

– Ух ты, сволочь! Бездельничать привыкла! – лупцевали

ее, очередные, хозяйин с хозяйкой. – На сволочь, корку пожуй! Попробуй честный хлеб, заработанный честным трудом!– бранили они ее жалея, и реставрируя, начавшую было подживать под глазом застаревшую гематому. Это обычно происходило, после того как эта ленивая сволочь, вспахивала им огород.

Любой нормальный, вменяемый человек, глядя на сволочь понимал, что она сволочь изрядная, законченная и неисправимая: хромая, косая и заикается. На вид ей было неизвестно сколько лет, но одни говорили, что она помоложе будет, а другие – что постарше. Худющая она была зараза, словно с концлагеря, имени ее никто не знал, а кто и знал, тот давно позабыл, и вспоминать не хотел. Так и кликали ее, то Сволочью, то еще какой-нибудь паскудиной. Редко кто, глядя на нее, ни сплюнет в презрении и ни процедит сквозь зубы с ненавистью и с придыханием:

– Сволочь!!!

Один ее, маленький, плюгавенький, рябой вид, вызывал у нормальных людей, тошноту и отторжение. Ко всему прочему, сволочь напостившись и намолившись досыта: стерев колени и разбив свой дурной лоб, – порой запивала на неделю, а то и на две. Нормальные люди, лечили и учили ее, как могли – били всем, что под руку попадет. Более всего, нормальных людей раздражало, что они хоть и пьют, и курят; сношаются налево и направо, плачут, но все равно друг друга обманывают, друг другу изменяют; никогда без выгоды друг

другу не помогут, но зато они – не молятся и не постятся. А эта сволочь бессовестная! постится, молится, всем помогает, да еще и запивает. Как ни крути, а все у нее не по-людски получается.

Запивала же Сволочь, почему-то, как правило, от какой-то тоски, совершенно непонятной для окружающих – нормальных людей. Делает-делает, постится-постится, молится-молится, а потом внезапно устанет от чего-то, пригрюнится и давай гулять и куролесить. Напьется гнида и спит под лопухом или песни дурные поет – народные. И так изо дня в день, и из года в год, проходила бессмысленная жизнь Сволочи. Ничего-то, эта сволочь и не нажила, за свою никчемную жизнь: только труд и нужда, были ее постоянными спутниками.

– А все зря старается! все без толку! – говорили про нее, умные люди, которые круглый год собирали и умножали свое богатство, расширяли закрома, наполняли свои погреба и сундуки добром. Про Сволочь же они толковали самодовольно. – Вот детишки, посмотрите на нее! Она не такая как все мы – нормальные люди! Для чего живет? Чему и кому служит? Да, помогает нам, иногда, но она ведь пришибленная! Ей и положено помогать! Все равно она бессмысленное существо. Спит в хлеву, да по сараям: людям помогает, а сама вся в заплатках ходит! Гол как сокол – это точно про нее!

Еще добрые люди, замечали, что она хоть и с дурыю, но все же немного сострадательная, жалостливая какая-то, – все

что ни попросишь – сделает, да еще и всю тварь по деревне жалеет и подкармливает. Ей краюху хлеба дадут, а она кусочек съест, а остальное, хоть сама недоест, но нуждающимся отдаст: воробушков покормит, котенка лишайного приголубит или отдаст свой хлеб, издыхающей псине, у хорошего хозяина, который молодец, так зарабатывается, что кроме своего пуза, ему и подумать то, не о чем и некогда. Но даже в своей жалостливости Сволочь, к всеобщему неудовлетворению и раздражению, всегда доходила до какой-то крайности и неприличия, – жалела она всех и вся: скотину, больных, хромых и прочую дрянь, блуждающую иногда по деревне, без дела, и всеми презираемую. Сволочь часто видели в окружении этой дряни убогой, ибо как в народе говорят – дурак дурака видит издалека. Ее и за это тоже поколачивали: дабы она эту нечисть на улицу не выводила и не таскала за собой по деревне, потому как нехорошо, хорошим людям, на эту всю низость смотреть, да волноваться. А то ведь и захворать можно, всем же известно, что все болезни от нервов.

По той же самой причине, раздражала она всех и своими бесконечными похоронами, – сдохнет какая-нибудь живность у хозяев, они ее на свалку выбросят, а эта гнида найдет дохлую псину или кошку и ямы роет – хоронит. «Самая сердобольная, что ли?!» – возмущались люди. В общем посмеивались, подтрунивали и поколачивали Сволочь, почти все, кому не лень и за это тоже. Единственное кто любил Сволочь – это дураки, дети до социализации и скотина. Ну, это

наверное и логично, ибо в свои годы, Сволочь была изрядной дурой, с младенческим умом и скотской жизнью. Зимой Сволочи, доставалось не так сильно, как сказал поэт – это торжество для крестьянина. Вот Сволочь и торжествовала: питалась мерзлой картошкой и полусгнившими бураками, в общем перебивалась, как могла. А вот весной и особенно к лету, начинались ее труды: огороды, покосы и прочая сельская канитель. Тут Сволочь впрягалась, как шальная лошадь, и вся в пене, хрипя и стеноя, трудилась до изнеможения. Так она весь сезон и кочевала, от огорода к огороду, и от двора ко двору, – одновременно помогая и раздражая односельчан, своим поведением.

Со Сволочью, нормальному человеку было трудно, а порой и просто невыносимо, разговаривать ведь она совершенно не умела, – ну, чтобы поддержать интересную беседу, с умным и хорошим человеком. Она не могла ни нормально поругать власть и односельчан, ни нормально посплетничать и обсудить соседей; она не могла сволочь, даже повесить ярлык, и объявить кого-нибудь сволочью, а лишь покорно и смущенно, понутив голову, говорила:

– Я сама сволочь, куда мне за другими смотреть?! У меня своего дерьма достаточно, чтобы еще в чужое лезть!

Односельчанин кивал и соглашался, что иногда даже Сволочь подает признаки некоторого здравомыслия, думая справедливо: "Да-а, я то нормальный человек, мне можно людей определять: кто каков и кому куда. А этой гниде, ку-

да рот открывать?! На нее то и смотреть тошно и противно! Еще не хватало, чтобы она своей скверной пастью, начала ярлыки на людей вешать. Это моя почетная обязанность! Я хоть и не святой, зато точно не хуже других – умный и хороший".

И он начинал рассказывать недалекой Сволочи, разные пошлые анекдоты, но она дура не смеялась и даже осмеливалась перечить, говоря, что это нехорошо. Хорошему человеку и нехорошо?! Приходилось эту гниду подучивать и пересчитывать ребра, чтобы она не умничала и не прекословила.

Получив изрядную долю тумачков, Сволочь переходила к соседу мужика, о котором он так нелестно отзывался и уже там, все повторялось по-прежнему, только теперь ярлык вешал сосед, на предыдущего мужика. Иной раз Сволочь выполняла на селе и миротворческую миссию. Поспорят, допустим, Степан и Петро, об общей меже, между их огородами, да и до драки дойдет дело. Сволочь увидит, прибежит разнимать, да и ляжет бедная между ними, прямо на межу. Ну мужики и начнут, душу отводить, не жалея своих ног, вонзая кирзовые сапоги в тщедушное тело Сволочи, по самые щиколотки. Потом запыхаются бедные, отведя душу и разойдутся до следующего раза, как ни в чем не бывало. «Вот и Сволочь пригодилась, – думают односельчане, – а то ведь мужики, ненароком могли и покалечить друг друга!»

Так Сволочь и жила, пока к осени все дворы перейдет, ребра у нее ломают, бока болят – хоть скули. А она возьмет

тогда, да и запьет, вроде как со своего горя непутевого, – от той самой непонятной для других тоски. Тупая же сволочь, что с нее взять?! А народ тут то и пожалеет ее – еще бока под намнёт, чтобы сволочь знала, что пить это грех, тем более для нее. Раз ты курва нам на зло молишься и постишься, то не смей гнида, стакан трогать. А то безобразие получается! вроде как под святую косишь, а в стакан лезешь. А на самом деле дрянь дрянью, пьяница и забулдыга безработная. И договорятся до того, что уже не только Сволочь чихвостят, ну и попам достается – мол, и ты, и попы твои сволочи! Тоже о чувствах добрых рассуждают, а на самом деле, как сволочи все живете, да еще и нас поучать беретесь?! Сроду мы, пока гром не грянет: не крестились, не молились и не постились, и не собираемся! После всех этих слов, Сволочь опять били вдоволь, изрядно, чтобы гнида кровью харкала и имя Господа не произносила, своими мерзкими устами:

– Мы Его не трогаем и ты своей скверной пастью – не трогай!

Нужно сказать, что очень уж нормальных людей раздражала, не только какая-то нездоровая, дурная набожность Сволочи, но и ее тупые разговоры о том, что попы и их многодетные семьи, тоже есть хотят:

– Чего сволочь удумала?! Нам вечно, на одного не хватает, а им как может, на десятерых не хватать?! Эх, сволочь необразованная и считать то гнида разучилась! Дура, кто же не знает, что вечно этот поп, бедного Балду эксплуатирует?!

Вот избавимся от них тунеядцев, тогда и заживем! – Говорил грамотный мужик, доставая из лесу свою дубинушку.

Вот так Сволочь и доживала свой век на селе, всех раздражала и всем помогала. Лупили ее постоянно, всем селом: и успитками, и под дых, и в харю молящуюся, и в руки дающие, и по мусалам благословляющим. Да и как, сами посудите, люди нормальные, такую паскудницу не лупить?! В народе даже поговорка родилась – сволочь не избить, жизнь зря прожить. Так эта гнида и существовала, – сама мучилась и людей мучила, пока не издохла. Да и издохла-то Сволочь, как и положено ей, не по-человечески. Батрачила на селян, до Юрьего дня, а там уж, как дела все поотделали, на радостях всем селом и загудели. Да тут-то хорошенько Сволочь и ухандохла. Били радовались, кто не ударит, тот дурак. Игра у них такая, на радостях народилась. По сезону Сволочь сильно лупить, маленько накладно, она же тягловая, т.е. себе дороже выйдет. А уж как уборная закончилась, скотину порезали, то тут, как ее уж родимую ни отмордовать хорошенько?! Даже думать об этом стыдно! Налили, как обычно Сволочи стакан для смелости, она его и проглотила залпом. И давай родненькую лупцевать: зубы повыбивали, кости переломали, живого места на ней не оставили, дубасили всем селом, даже социализированные дети помогали. Когда все выдохлись: руки с ногами, об Сволочь посбивали, то оставили ее на выгоне, под лопухом, где она частенько и ночевала. А к утру Сволочь уже холодной была. Тут же всем селом и поре-

шили – сдохла эта дура, от пьянки. Говорили же ей, добрые, хорошие, умные люди, чтобы она не пила. Пьянка, она до добра не доводит! А она гадина, алкашиная душа, опять нажралась, вот Бог ее и прибрал. Такие, долго не живут! Если Бог есть, то Он обязательно должен ее наказать, как иначе?! Видно ли, где-либо такое – жизнь прожить, а ничего в гроб не скопить?! Хоть бы еще одну сволочь нам родила, а то и ее не оставила, после себя.

Хоронили ее на следующий день, чтобы не воняла и так при жизни вони от нее нанюхались. Похоронная процессия была невелика, в основном, всеми презираемая часть села: убогие, алкаши и прочие пришибленные, и в буквальном, и в переносном смысле. Да еще пара полудохлых, бродячих псов, которых по чьему-то недосмотру, еще не отстреляли – вот и вся процессия. Все нормальные селяне, кто дома оказался, смотрели на этот скоморошный ход, через свои окна или со двора: они опохмелялись и чихвостили новопреставленную алкашиную душу. Кое-кто из баб, даже всплакнул по привычке. А так ничего, все давно знали, что Сволочь плохо кончит! Похоронили ее опять же, под тем же самым лопухом, под которым она так часто спала и под которым ее – и ухандохаи. Теперь лопух, то весело, то грустно кивает на ветру, своим дырявым, изъеденным гусеницами и жуками листом – словно головой. Он, наверное один, во всей округе, иногда грустит о Сволочи, чувствуя в ней родственную, лопушиную душу. И каждое утро, собирая из атмосферы вла-

гу, он роняет на могилу Сволочи, свою скупую, лопушиную: росинку – слезинку...

А что же стало с деревней? Да ничего, все нормально, она благополучно выродилась. Церковь закрыли, попа со света сжили, молодежь разъехалась, рабочих рук не стало. Сволочь сдохла, и село опустело. Ныне говорят, доживают иногда там свои недолгие дни пенсионеры. А что делать?! они не хуже Сволочи, потомство не оставили, или оставили, но маловато; вот содержать их и некому, работают теперь почти до самой гробовой доски. Одним словом – умные!!!

«Многие же будут первые последними, и последние первыми» (Мф. 19: 30).

«Всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк 18:14).

Судьба

Опер и Батон

Было у нас в деревне два кобелька по-своему необычных и неординарных, звали их Опер и Батон. Ныне покойный дядь Коля, Царство ему Небесное, имел даже некую страсть давать всякой твари необычные и забавные имена, и кого у нас только не было: тут тебе и Шурупы, и Тяпы, и Бориски, и Капканы, и даже Депутаты и Дипломаты. Каждое животное, как и каждый человек, имеет свой характер: способности, достоинства и недостатки, – в общем, некое подобие личности. Вот и два брата Опер и Батон, были внешне, если не приглядываться, даже очень схожи: низкорослые, черные, с белыми пятнами на груди – дворовые псы. Но похожи они были, только если вы с ними были незнакомы; а на самом деле это были две абсолютно разные собачьи личности. Опер имел вид серьезный и деловой: уши у него всегда стояли торчком, а взгляд был немного грустный, осмысленный и глубокий. А Батон был полной его противоположностью: его уши полулежали и полустояли в разные стороны, взгляд был безумный и неудержимый, – бегающий и блуждающий, – пасть вечно открыта, а из нее постоянно вываливался и торчал, свисая набок длинный розовый язык. Опер страсть как любил путешествовать и куда бы мы ни пошли,

он всюду следовал за нами: и на рыбалку, и за грибами, и на гулянку, т.д. и т.п. А Батон наоборот, ни за какие кости и пироги, никогда и ни за что не отходил от хаты и не отлучался со двора; но зато во дворе он был абсолютно неугомонный и, пока бывало на него, не прикрикнешь, он завидя тебя все норовил кинуться тебе в ноги и буквально выбить из-под ног землю, – при этом весь, изворачиваясь и виляя не только хвостом, но и всем своим телом. Лично мне Опер всегда напоминал такого грустного, задумчивого и культурного городского интеллигента, а Батон наоборот деревенского чудаковатого простака. По-своему окрасу и размеру они были так схожи, что посторонний человек, наверное, вряд ли когда отличил одного от другого. Но только не для нас, и мы за версту безошибочно могли отличить их, по манере двигаться и держаться: у Опера осанка была гордая с высоко поднятою головой, а Батон наоборот постоянно горбился и прижимался к земле. Они даже бегали по-разному: стремительный, целеустремленный и сдержанный Опер, и вечно веселый кувыркаяющийся и подпрыгивающий Батон. У нас даже шутка такая родилась:

– От чего это Опер всегда такой грустный?

– А это от того, что у него брат дурак!

– А Батон почему такой веселый?

– А это он радуется, что у него брат, хоть такой, но есть!

Так они и жили у нас во дворе, не тужили, вполне вольготной, по собачьим меркам жизнью: дом стерегли, привязи не знали, на чужих гавкали, но никого, никогда не кусали – добрые были, незлобивые. В общем, служили хозяевам, как умели и могли. Спали они на крыльце, часто вместе с котами в обнимку; которым иногда, хотя и показывали кто в доме хозяин, но в основном сильно их не обижали и обращались с ними почти дружелюбно, с легкой ноткой собачьего превосходства. Да мы-то за своих котов и заступались, иногда и ругали Опера с Батоном, если те, разыгравшись, начинали гонять их. Поэтому, чужим котам они спуску не давали, а своих миловали, но собачье все равно иной раз брало верх и, тогда оглядевшись вокруг и увидев, что на них никто не смотрит, они могли ненароком двинуть грудью и своего кота Тимоху. Или потоптаться по нему, пока он горемыка нежится на бетоне под палящим солнцем, или на худой конец просто вытереть об него лапы. Оно конечно тоже неприятно, но все же это не зубами за шкуру?! Впрочем, не зря же родилась в народе поговорка характеризующая совместную жизнь некоторых людей – «как кошка с собакой»? Но речь сейчас совсем о другом, речь о судьбе и ее парадоксах.

Помню, оказались мы как-то на гулянке в соседней дерев-

не, расстояние до нее небольшое, метров пятьсот, через линию, да через луг с речкой. Добирались мы туда пешком, и Опер как всегда увязался за нами. Чего уж там греха таить, молодые были, я недавно с армии вернулся, и перебрали тогда все с излишком самогонки. В самый разгар гулянки, кому-то пришло в голову продолжить это дело в городе и, вызвав такси, мы всей шумной и веселой компанией погрузившись в машину, отправились продолжать свои свистопляски в город. В часа три ночи я вновь кое-как добрался до деревни – Батон на месте, а Опера нигде нет. Я посвистел, покричал, но никто не отозвался, лишь Батон как обычно по своей привычке все норовил сбить меня с ног, падая и катаясь около меня. И тут я начал соображать и припоминать, что он с нами был и видимо когда мы в машину погрузились, там и остался. Что делать, жалко же животину?! Вот я и поплелся за ним, опять туда, в соседнюю деревню. Кажется, пока шел впотьмах все кочки на дороге и на лугу пересчитал. Кладка, то есть самодельный мост через речку, состоящий из сваренных между собой труб и арматуры и положенных на эту конструкцию шпал и досок, был ветхий и старый, местами прогнивший и обвалившийся, – хорошо хоть речка узкая и неглубокая, – в темноте я еле через этот мост перебрался. Иду, а сам переживаю, как бы с Опером чего-нибудь плохого не приключилось, жалко ведь, он почти как член семьи у нас стал. Подхожу ко двору, где днем мы гуляли: ворота закрыты, свет не горит, все спят. Собаки во дворах лают, чувят,

что кто-то чужой по улице шастает. Я пару раз свистнул и позвал Опера по имени. Гляжу тень какая-то, из-под ворот выскочила, я сразу узнал своего Опера и обрадовался ему. А как он обрадовался?! Присел я на корточки и руки вперед призывно вытянул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.